

Эдмунд Берк

Два
памфлета

Эдмунд Берк
Два памфлета

«Издательские решения»

Берк Э.

Два памфлета / Э. Берк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902482-4

Представленные в данном издании и снабженные комментарием два памфлета за авторством Эдмунда Берка: «Размышления о причине имеющегося недовольства» (1770) и «Замечания о политике союзников по отношению к Франции» (1793) позволяют заново взглянуть на уже устоявшийся портрет этого мыслителя. Они в состоянии показать, что Берк — не простой консерватор, что в своих взглядах относительно внутренней и внешней политики он проявляет почти макиавеллистскую трезвость.

ISBN 978-5-44-902482-4

© Берк Э.

© Издательские решения

Содержание

Размышления о причине имеющегося недовольства (1770)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Два памфлета

Эдмунд Берк

Переводчик Александр Николаевич Мишурин

© Эдмунд Берк, 2018

© Александр Николаевич Мишурин, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-2482-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Размышления о причине имеющегося недовольства (1770)

*Hoc vero occultum, intestinum, domesticum malum, non modo non existit,
verum etiam opprimit, antequam perspicere atque explorare potueris.*
Cicero

Поиск причин общественных недугов – занятие в некоторой степени деликатное. Ведь, если кто не преуспевает в этом предприятии, то его принимают за глупца и мечтателя, а если ему удастся затронуть настоящие проблемы, то появляется опасность задеть могущественных и уважаемых людей, которые скорее разозлятся от указания на собственные ошибки, нежели будут благодарны за предоставленную возможность их исправить. Если же ему придется обвинить любимцев толпы, то его сочтут марионеткой власти, а если он станет порицать власть имущих – сочтут марионеткой оппозиции. Однако при исполнении долга всегда чем-то приходится рисковать. В случае смуты и беспорядка наш закон, в определенном смысле, наделил каждого человека властью народного слуги. Когда страну настигают беды, частные лица именно в духе этого закона оправданно могут выйти за пределы своих повседневных забот. Они получают возможность в некотором смысле подняться над уровнем бездеятельного нытья о бедствиях, поразивших их страну. Они могут пристально рассмотреть эти бедствия, могут свободно поразмыслить над ними и, если им повезет, обнаружить подлинный источник проблем и предложить любой разумный метод их устранения, пусть даже и обидев тем самым нынешних власть имущих, то они несомненно помогут делу самой власти. Власть глубоко заинтересована во всем, что – пусть и вызывая временные неудобства – может содействовать успокоению умов и охлаждению чувств подданных. Я сейчас отнюдь не говорю про абстрактную ценность гласа народа. Однако пока репутация – самое ценное владение каждого человека, пока общественное мнение – одна из опор государства, полностью зависящая от этого гласа, им нельзя пренебрегать как в частных, так и в государственных делах. Народами правят не законы, уж тем более не насилие. Каким бы зарядом ни обладало принуждение или предписание, применение обоих, по правде говоря, носит чисто инструментальный характер. Народами правят теми же методами и на тех же принципах, на каких человек, не обличенный официальной властью, часто в состоянии руководить как равными ему, так и вышестоящими лицами: с помощью знания и хладнокровной эксплуатации их характера. Я имею в виду – когда общественные дела вершатся поступательно и без потрясений, а не в случае, когда управление страной представляет собой перманентную потасовку между властями и толпой, потасовку, в которой победителем выходит то одна сторона, то другая. Потасовку, в которой они попеременно отступают и наступают в серии презренных побед и постыдных поражений. Потому первым делом политика должно быть изучение характера подвластного ему народа. А добыть знание о его характере тот никогда не сможет, если сам он не заинтересован в том, чтобы понять, что именно он должен знать.

Жаловаться на время, в которое мы живем, роптать на нынешних власть имущих, сокрушаться о прошлом, чрезмерно уповать на будущее – вот обычное дело для большей части человечества, а по факту – неизбежный результат невежества и непостоянства черни. Такого рода жалобы и настроения были всегда. И все же, так как времена *не* всегда были одинаковы, подлинная политическая проницательность отражается в умении отличать жалобы, присущие общей слабости человеческой природы, от жалоб, являющихся симптомами конкретных проблем нашего собственного времени.

Никто, полагаю, не сочтет признаком сплина или разочарования мои слова о существовании в текущей конъюнктуре чего-то особенно тревожного. Вряд ли во власти или в оппози-

пии найдется человек, который думал бы иначе: что все нынешнее руководство ужасно и вместе с тем презренно; что законы не внушают больше уважения и целительного страха; что их неисполнение вызывает смех, а исполнение – отвращение. Что положение, должность и титул, равно как и всякая убедительная аргументация, потеряли уже свою значимость и смысл. Что наша внешняя политика в такой же разрухе, как и наша экономика. Что наши сателлиты становятся все более независимыми и неуправляемыми. Что мы не умеем ни уступать, ни принуждать. Что едва ли во власти и в оппозиции, дома и за границей, можно найти нечто работающее и при этом не половинчатое. И что разобщение и смятение в государственном управлении, в партиях, в семьях, в парламенте и в народе превосходят всякие начертанные прошлым границы: вот факты, которые признают и над которыми сокрушаются все.

Положение дел ухудшается еще и тем, что великие партии, которые прежде разделяли и возмущали это королевство, теперь, в некотором смысле, полностью распались. И ведь не было никакой внешней опасности: ни чумы, ни голода. Не идет ныне речи и о работе над изменением или ужесточением – качественным или количественным – налоговой схемы. Не втянуты мы и в тяжкую войну, которая легко могла бы извратить наши суждения, а наши умы, уязвленные потерей национальной гордости, заставить в каждом повороте судьбы видеть преступную халатность властей.

Невозможно хотя бы иногда не пытаться обсуждать причину этих проблем. И я хотел бы уважить наших власть имущих тем, что сначала рассмотрю их идеи на этот счет. Нашим министрам кажется, что рост торговли и производства, что наше усиление, вызванное колонизацией и завоеваниями, совпало с чрезмерным накоплением богатства в руках конкретных людей. А вследствие того, что эти люди являлись представителями народа, богатство сделало их слишком гордыми, жестокими и неуправляемыми, что присущее части из них высокомерие, исходящее от чрезмерного богатства, и характерная для другой их части смелость, пробужденная ненавистной бедностью, сделали их способными на самые отвратительные поступки. Так что они презрели всякую субординацию и отвергли безоружные законы свободного государства – барьеры, слишком слабые, чтобы остановить гнев такого свирепого и неуправляемого народа, как наш. Они утверждают, что для распространения недовольства не было соответствующего повода, что они вели крайне деликатную и предельно мудрую политику. Грязные делишки некоторых клеветников, объединенные с интриганством нескольких разозленных политиков, по их мнению, произвели в народе эти неестественные настроения.

И правда: нет ничего более неестественного, чем теперешние потрясения, если, конечно, принять вышесказанное за истину. Признаться, если я и соглашусь с этой точкой зрения, то очень неохотно и только в случае наличия ясных и неоспоримых доказательств, ибо сама она сводится к простому и очень унылому утверждению: «Руководство у нас хорошее, у нас народ плохой», – мол, мы готовы кусать руку, которая нас кормит, мол, мы с остервенелым безумием сопротивляемся тем мерам и в неблагодарности своей черним людей, единственной целью которых является наши мир и процветание. Если кучке жалких клеветников, действующих в связке с бездарными политиканами, не обладающими ни добродетелью, ни умом, ни харизмой (а именно такими их все время представляют указанные господа), хватает сил для того, чтобы вызвать подобные проблемы, то народ, в котором их можно вызвать такими средствами, и вправду должен быть испорчен. И это уже не говоря про серьезное недовольство этим состоянием народа, ибо, согласно их гипотезе, его болезнь неизлечима. Если богатство народа и есть причина его нестабильности, то, надеюсь, они не предлагают сделать хранителем стабильности бедность. Если наши заграничные владения являются причиной столь буйного роста недовольства, не стоит же отказываться от них из-за такого их эффекта. Если наша свобода ослабила исполнительную власть, не хотят же они – я надеюсь – ради восполнения дефицита законности воззвать к деспотизму. Каковы бы ни были их намерения, пока что о таком открыто они не заявляли. И это, кажется, приводит в отчаяние, ибо не над кем нам больше работать, кроме тех,

кого Бог поселил на этой земле. И если уж они окажутся сущностно и неисправимо порочны, то можно сказать только одно: несчастны те, на чью долю выпал долг заботиться о столь недостойном народе. Правда, я слышал от некоторых, что постоянное упорство в осуществлении текущей политики и суровые наказания для препятствующих ей со временем неизбежно положат конец этим проблемам. Однако, по-моему, так говорят лишь те, кто не понимает нашего текущего положения и не знает сущности человеческой природы. Если материал, из которого состоит этот народ, столь легко разлагаем (как и утверждают указанные господа), то он не перестанет бродить до тех пор, пока в этом мире существуют недовольство, месть и амбициозность. Показательные наказания полезны при периодически возникающих в государстве проблемах. Но они не давят, а разжигают недовольство, если то исходит из устоявшихся плохих государственных практик или из отрицательных природных черт самого народа. В применении крутых мер самое главное – не ошибиться, да и упертость становится добродетелью только вкупе с идеальной мудростью. По правде говоря, изменчивость представляет собой род некоей естественной защиты от ошибок и неведения.

Я не из тех, кто думает, будто народ всегда прав. Он ошибался часто и по-крупному – как в других странах, так и в этой. Но я действительно утверждаю, что во всех спорных ситуациях между народом и правителями, как правило, следует по умолчанию вступать на сторону народа. Однако опыт подталкивает меня еще дальше. Когда народное недовольство становится повсеместным, то можно смело заявить и отстаивать свое заявление о том, что, как правило, причиной такому положению дел является ошибка в строении или поведении власти. Народ никогда не заинтересован в организации беспорядков. Если народ делает что-то не так, то в том нет ни его преступления, ни его ошибки. Но в случае с властью все наоборот. Она может совершать злодеяния как по ошибке, так и намеренно. «Les révolutions qui arrivent dans les grands états ne sont point un effect du hazard, ni du caprice des peuples. Rien ne révolte les grands d'un royaume comme un gouvernement foible et dérangé. Pour la populace, ce n'est jamais par envie d'attaquer qu'elle se soulève, mais par impatience de souffrir»¹. Таковы слова великого человека, государственного министра и рьяного поборника монархии. Они касаются *фаворитизма*, принятого при Генрихе III Французском, и тех ужасных последствий, к которым он привел. То, что он говорит о революциях, так же истинно и для всякой смуты. Но даже если предрасположенность к народу супротив власть имущих неверна, уверен – она куда более полезна, ибо куда проще сменить власть, чем изменить народ.

А потому мысль о том, что источником наших проблем лучше будет полагать партийность, должна заставить прислушаться к себе каждого, кто не хочет простых – приемлемых разве что в светских салонах – ответов на вопрос о нынешнем недовольстве. Нельзя утверждать, будто все хорошо просто потому, что нынешние проблемы отличаются от тех, с которыми мы сталкивались в прошлом: не те, что достались нам от Тюдоров или обрушились на Стюартов. В этой стране произошел большой перелом. Ибо столь постепенно развивающийся процесс, как перераспределение богатств, привел к таким изменениям в политике, характере власти и народов, которые ознаменовались громом революций.

Простые люди крайне редко ошибаются в своих чувствах относительно пренебрежения со стороны властей и так же редко понимают его причину. Повсюду видел я, что большинство населения как минимум лет на пятьдесят отстает от текущей политики. Лишь очень немногие способны различать и понимать происходящее у них на глазах, чтобы вписать это все в четкую схему. Но в книгах все уже проработано, и они не требуют серьезных усилий внимания или мысли. Потому-то люди мудры, не думая, и хороши, не прилагая усилий, в любом деле, кроме своего собственного. Мы – крайне объективные и приемлемо просвещенные судьи в делах прошлого: там страсти не застят глаза, а вся цепь обстоятельств – от пустяковой причины

¹ M. De Bethun. Memoires de M. de Bethun, duc de Sully, ministre de Henry IV. T. 1. Londres, 1778. p. 133.

до порожденной ею трагедии – предстает перед нами в правильном порядке. Лишь некоторые являются поборниками павшей тирании, и быть вигом в деле вековой давности вполне подходит нынешней конъюнктуре. Эта ретроспективная мудрость и исторический патриотизм очень удобны и великолепно подходят для преодоления древнего разлада между теорией и практикой. Многие жесткие республиканцы, досыта наглотавшись восторгами перед греческими полисами и нашим подлинным саксонским устройством и излив всю свою желчь праведного гнева на короля Иоанна и короля Якова, сидят довольные отвратительной работой и убогими трудами проведенного так дня. Мне же кажется, что в аппарате короля Якова не было ни одного человека, который бы во всеуслышание восхищался Генрихом VIII. Как и, смею сказать, при дворе Генриха VIII нельзя было найти ни одного защитника фаворитов Ричарда II.

Ни уважение к нашему двору, ни уважение к нашему веку не могут заставить меня поверить, будто природа человека изменилась, но отрицательное отношение к общественной свободе у нас, как и у наших предков, осталось уделом единиц, и в то, что при благоприятных условиях не будет предпринято попыток хотя бы частичного изменения нашего строя. Попытки изменить его, естественно, будут различны в зависимости от времени и обстоятельств. Ибо амбиции, хотя всегда стремятся к одной и той же цели, не всегда используют одни и те же средства и решают одни и те же задачи. Многие приемы древней тирании истерлись в труху, а остальные вышли из моды. Кроме того, немного найдется политиков, столь топорных и неумелых в своем деле, чтобы попадать в те же ситуации, что оказались фатальны для их предшественников. Желая ввести очередной безосновательный налог, власть конечно же не станет поступать с ним, как с «корабельными деньгами». Понятно, что в наше время никто не станет угнетать народ, расширяя «лесные законы». А когда мы, к примеру, слышим о ненасытности властей относительно урезания частных прав, то не думаем, будто они начнут взыскивать с богатой дамы две сотни куриц за право возлечь с собственным мужем².

У каждой эпохи свои нравы и своя политика, на них основанная. Нельзя бороться против сформировавшегося и работающего строя теми же способами, что использовались при попытках удушить его в колыбели или препятствовать его развитию на первых шагах.

Против существования парламента, к моему удовлетворению, никаких действий не предпринималось с самой революции. Каждый должен понимать, что в самых непосредственных интересах двора – поместить между министрами и народом какого-нибудь посредника. Господа из Палаты общин также заинтересованы в поддержании своей части этой посреднической функции. Как бы они ни торговали своими *голосами*, у них никогда не будет *зарплаты и права наследования* своего положения. Соответственно, те, кто известен своей готовностью угождать желаниям двора, оказались самыми рьяными поборниками установления вертикали в Палате общин. Когда же они узнали, кто будет использовать эту вертикаль и как, то сочли, что ее не стоит ограничивать. Конечно, противники нашего строя всегда желают, чтобы Палата общин, полностью от них зависимая, могла бы по своей прихоти изменять народные права. Однако вскоре стало понятно, что формы демократического правления вполне сочетаемы с целями правления деспотического.

Власть короны – практически такая же опустевшая и прогнившая, как и ее привилегии, – восстановившись под именем влияния, оказалась сильнее и куда менее ненавистой. Влияние, действующее без шума и насилия. Влияние, превратившее своего самого главного противника в инструмент собственной власти, содержащее в себе вечный принцип роста и обновления, усиливающееся вне зависимости от положения страны, оказалось превосходной заменой привилегий, которые, будучи результатом устаревших предрассудков, сами в себе содержали неодолимые причины собственного разложения и гибели. Невежество народа может послу-

² «Uxor Hugonis de Nevill dat Domino Regi ducentas Gallinas, eo quod possit jacere una nocte cum Domino suo Hugone de Nevill». T. Maddox. History of the Exchequer. London, 1811. p. 326.

жить хорошей основой лишь для недолговечной политической системы. Интересы активной части населения – вот основа вечная и крепкая. Однако, следует признать, появление некоторых, пусть и случайных, обстоятельств надолго заморозило проявления этого влияния, которые могли бы привлечь к себе серьезное внимание. И хотя государство было сильным и процветающим, *двор* не заполучил тех преимуществ, которые мог бы добыть из такого мощного источника власти.

Во время революции корона, которую та во имя собственных целей лишила множества привилегий, оказалась не готова бороться с трудностями, давившими молодое и не сработавшее еще государство. Поэтому двор был вынужден передать часть своих полномочий людям, заинтересованным и преданным государственному делу. Этим людям удалось многих объединить против себя. И эта связь, необходимая в начале, сохранялась даже после того, как перестала быть полезной. Но если ею правильно воспользоваться, она может всегда стать полезным государственным инструментом. В то же самое время посредством вторжения во власть людей, поддерживаемых народом и народ защищающих, последний получил свой голос в государстве. Но по мере усиления короны и постоянного роста ее влияния это теперь некоторым людям представляется скорее помехой. Крепкие государственные управленцы были неудобными для фаворитов, иногда вследствие уверенности в имеющихся у них силах, будь они собственными или же приобретенными, иногда же из-за страха обидеть друзей и ослабить ту власть, что дала им возможность иметь независимую от двора позицию. Люди действовали так, словно двор мог принимать и давать какие-то обязательства. Влияние государства, казавшееся теперь разделенным между двором и партийными лидерами, во многом стало расти с позиции народа, а не короля. И часть этого влияния, которой в противном случае владели бы как несменяемой и неотчуждаемой собственностью, вернулась туда, откуда пришла, распределившись в великом народном океане. А потому к этому виду правления крайне заинтересованных естественным или искусственным образом людей подлинные сторонники абсолютной монархии относились очень враждебно. Деспотизм по природе своей ненавидит любую власть, если та не служит его сиюминутным прихотям, и пытается уничтожить все, что угрожает смене статус-кво его собственной безграничной силы и тотальной слабости народа.

Последние годы главным предметом политики было избавление от всякого посреднического или независимого влияния и *защита неограниченного и неподконтрольного использования двором своего широкого влияния ради его же собственных частных интересов*. И если бы этого удалось достичь, влияние короны, конечно же, стало бы таким, каким его хотели бы видеть самые рьяные сторонники двора. Тогда государство полностью оторвалось бы от воли народа, не принимая во внимание ни достоинств высших его слоев, ни чувств слоев низших. А потому некоторыми интриганами был разработан новый проект, полностью отличный от системы управления, установившейся со времен восхождения Ганноверской династии. Этот проект, как я слышал, впервые появился при дворе Фредерика, принца Уэльского.

Первая попытка его воплощения была предпринята через одного советника – человека высокого ранга и большого состояния, но неизвестного и не имевшего влияния в королевстве вплоть до момента своего быстрого и неожиданного прихода к власти. Ему весь народ должен был показать немедленное и безоговорочное подчинение. Но то ли из-за желания продемонстрировать непреклонность перед оппозицией, то ли из-за несвоевременности или же неуместности эта идея вскоре была отложена в долгий ящик. А инструментарий данного проекта был несколько изменен, дабы сам он стал более современным и к своей великой цели шел более постепенно и неуклонно.

Первым пунктом данного плана *было разделение двора и правительства*. До сих пор на них смотрели как на единое целое. Но в будущем двор и администрация должны были полностью разойтись. Так сформировались бы две системы управления исполнительными делами государства. Одна должна была стать тайной. Другая – чисто показной. При этом последняя

должна была бы нести всю полноту ответственности, а настоящие руководители, обладавшие максимумом власти, избегали бы любых проблем.

Во-вторых, *под этим руководством должна была сформироваться антиправительственная партия двора*: эта партия должна была получить большую долю финансовых ресурсов правительства и не допускать к ней марионеточную администрацию.

Третий пункт, от которого в конце концов и зависел успех всего предприятия, – *добиться молчаливого согласия парламента на исполнение данного проекта*. А потому парламент должен был постепенно быть приучен к полному безразличию в отношении к личностям, рангам, влиянию, способностям, связям и характеру королевских министров. Средствами дисциплины, о которых я расскажу позже, в этот институт должны были попасть люди с противоположными интересами и самыми противоречивыми планами. Все связи и взаимозависимости между подданными должны были быть полностью уничтожены. До сих пор все процессы шли через руки лидеров вигов или тори – людей, способных объединять народ и вселять в него уверенность. Теперь же методика правления должна была измениться, а во главе страны должны были встать люди, которым она не доверяла, которых она не уважала. Этот недостаток присущей им значимости и должен был венчать делегированную им власть. Члены парламента должны были перестать обращать внимание на свою гордость и на свой долг. Их высокие, даже высокомерные чувства, которые служили отличной опорой для их независимости, должны были постепенно сойти на нет. Честь и стремление к первенству теперь должны были определять поведение в парламенте не более, чем в турецкой армии. Конституционной максимумой должно было быть признано право короля назначить своего или чужого лакея министром. И при этом он должен был считаться и считался бы равным одним из самых высокопоставленных или мудрых людей в государстве. Таким образом парламент должен был полностью проигнорировать тот факт, что место государственной администрации занимают встречи за закрытыми дверями и подковерные интриги.

При таком уровне уступок любую инициативу любого двора можно сразу считать исполненной. Так двор получил бы основные атрибуты и самые характерные черты деспотизма. Все скатилось бы от национальных интересов к личному фавору и склонностям принца. Этот фавор и стал бы единственным путем во власть и единственным способом ее удержания, так что никто не обращал бы внимания на другого, но все бы пристально следили за двором. Тогда поведение неизбежно определялось бы только этим мотивом, пока, наконец, низкопоклонство не стало бы универсальным, несмотря на жесткую букву законов или установлений.

На первый взгляд может показаться удивительным, как человеку может прийти в голову участвовать в таком проекте. Но факт состоит в том, что возможности для осуществления этого проекта крайне привлекательны, да и сама схема не лишена правдоподобных преимуществ. Данные возможности и преимущества, к которым уже прибегали ранее, ради осуществления новой схемы управления, как и последствия ее воплощения, по-моему, стоят серьезного рассмотрения.

Его Величество обрели трон этих королевств, имея больше преимуществ, нежели любой из его постреволюционных предшественников. Представитель четвертого поколения династии и третий по счету наследник трона – даже поборники наследственных прав увидели в нем нечто, что польстило их предрассудкам и оправдало смену их приоритетов без изменения собственных принципов. Личность и обоснованность притязаний претендента на трон должны были быть ничтожными. В Европе его титул должен был быть непризнанным. А в Англии его партия должна была распасться. И правда, Его Величество пришли унаследовать великую войну. Но побеждая в каждой части света, он всегда достигал мира – не договорного, но принудительного. Не было у него унаследованной за рубежом привычки или привязанности, которая бы повлияла на усиление его власти дома. Его фиксированное (как тогда считалось) содержание, составлявшее большую, но не чрезмерную сумму, было избыточным, но, тем не менее,

не вызывало зависти. Его влияние – прираставшее завоеваниями, уменьшением задолженности, усилением армии и флота – укрепилось и расширилось. К тому же он взошел на трон в лучшие и самые энергичные годы юности, а потому из-за привязанности никто не испытывал к нему ненависти, а из-за опасений на него не нападали, воздерживаясь оскорблять монарха, от чьей мести оппозиции просто некуда было деваться.

Эти удивительные преимущества только распалили желание Его Величества сохранить нетронутым дух национальной свободы, которому он был обязан столь прекрасным своим положением. Но были и такие, кому этот дух внушал совершенно иные чувства. Они-то считали, что теперь появилась возможность (которой всегда пользуются определенного рода политики) с помощью усиления двора заполучить для себя такой уровень власти, которого им никогда не было бы суждено получить благодаря собственному влиянию или честной службе, и который им не удалось бы удержать просто так, пока система управления основывалась на прежних своих началах. Дабы облегчить выполнение своего плана, они должны были внести немало корректив в текущие политические процессы, и коренным образом изменить мнения, привычки и связи большей части публичных политиков.

Во-первых, они продолжили постепенно, но достаточно активно уничтожать всякое влияние, принципиально не зависевшее от прихотей двора. На тот момент самыми популярными и обладавшими большим количеством партийных связей были герцог Ньюкасла и господин Питт. Оба они ничем не были обязаны *новым идеям* двора, а потому не считались подходящими для их воплощения. И как нельзя кстати для создающейся системы правления в вынужденной коалиции наметился неизбежный раскол и разлад между партиями, контролировавшими администрацию. Первым был атакован господин Питт. Не удовлетворившись его отстранением от власти, они всяческими уловками попытались очернить его репутацию. Вторая партия сочла поддержкой избавление от столь масштабной фигуры, не понимая, что она должна пасть вслед за ним и что все происходящее – часть единого плана. Было немало других причин, из-за которых ее представители не смогли трезво взглянуть на ситуацию. Для великих семей вигов было неприемлемо и почти что неестественно противостоять администрации принца дома Брауншвейгов. День за днем они медлили, сомневаясь и колеблясь, ожидая проявлений иных планов, не давая убедить себя в том, что деяния заговорщиков – это не шутки, а системная проблема. Куда сильнее и очевиднее новая партия двора была заинтересована в изоляции вигов, нежели в уничтожении господина Питта. Власть его была велика и заслуженна. Она во многом была его личной властью, а потому властью непреходящей. Власть вигов, напротив, уходила своими корнями в саму страну. Ибо, будучи менее зависимыми от популярности, они обладали куда более естественным и утвердившимся влиянием. Долгое пребывание у власти, обширные владения, выполненные и полученные обещания, должностные связи, кровные, союзнические и дружеские узы (то, что тогда считалось важным), имя вигов, близкое народу, их давнишнее и постоянное служение королевской семье – все это давало им власть в стране, оказавшуюся теперь преступной и обреченной на гибель. Великий принцип заговорщиков, вдохновляющий и согласовывающий все их действия, как бы сильно они ни разнились между собой, состоял в том, чтобы доказать всему миру: отныне двор будет опираться только на собственные силы и попытка привлечь любые иные силы ему на службу есть оскорбление двора, а не его поддержка. А потому, когда удалили вождей, дабы добраться до основания, всю партию подвергли проскрипции, столь масштабной и жестокой, что отняли у ее представителей даже самые мелкие должности, причем в такой манере, какой не бывает даже при революциях. Но ведь хотели полностью уничтожить все силы, кроме одной, и при этом явить пример непоколебимой суровости, на которой и должна была держаться новая система правления.

Так в форме вождей вигов и господина Питта (несмотря на все заслуги первых перед королевской семьей и все военные заслуги последнего) на время устранили *две единствен-*

ные гарантии серьезной политической роли народа: власть, исходящую от популярности, и власть, исходящую из связей. Осталось очень мало людей, твердо не принявших гнусных принципов партийных связей и личных привязанностей. И следует признать, что многие из них ревностно сохранили свои предпочтения. Однако такие изменения не могут пройти незаметно для государства.

Дабы примирить умы народа со всеми этими телодвижениями, надо было рьяно проповедовать соответствующие принципы. Каждый должен помнить, с каким невероятным моральным и политическим ханжеством был проведен этот заговор. Те, кто в течение всего нескольких месяцев с головой поварился в этом отваре из чернейшей и отвратительнейшей коррупции, восстали против превалировавших тогда практик непрямого избрания и управления обоими палатами парламента. Это великое отвращение от того, что двор вдруг захватил в свои руки всю власть, выражалось не только в кухонных беседах по всему королевству, но и помпезно было представлено публике в памфлете³ (содержавшим немало других удивительных деталей), который по всем параметрам походил на манифест некоего серьезного предприятия. Но он полностью состоял из сатиры на политику предыдущего режима, хотя написан был хорошо, искусно и с тактом.

В этой работе впервые была описана схема нашей новой политической системы: в ней впервые проскользнула идея (тогда еще чисто умозрительная) *разделения двора и администрации*, идея проведения всякой политики посредством народного единения вокруг определенных личностей и создания ради этого постоянной партии, именуемой «людьми короля».

Дабы навязать народу такую систему, ее представили перед удивленной толпой, красиво разрисовав и подсветив изнутри необходимым двору ракурсом. С партийностью и всеми ее злодеяниями должно было быть покончено. Коррупция должна была быть изгнана из двора, как Ата с небес. Власть впредь должна была отражать общественный дух, и никто не должен был считаться попавшим под дурное влияние, кроме тех, кому не повезло попасть в опалу двора, который должен был выступить супротив всех пороков и зол. Замысленный план должен был воплотиться в монархии, бесконечно превосходящей своим совершенством воображаемое государство Платона. Все должно было быть устроено так, чтобы во власть попали хорошие люди, чье неизмеримое легкоеверие так ценится умелыми политиканами. У них и правда было все необходимое для того, чтобы зачаровать этим видением всех, за исключением тех, кто не очень-то рад заверениям в божественной добродетели – кто знает, из чего эти заверения состоят, для чего они предназначены и к чему неизбежно приводят. Множество невинных господ, которые всю жизнь свою только и делали, что молили языками, наконец-то начали задумываться о собственных достижениях и приписывать отсутствие таковых партийному доминированию и министерскому засилью, срывающим благие намерения двора относительно их особ. Теперь же настало время откупорить источник королевских щедрот, который позорно монополизировали и которым барышничали все это время, сделав его доступным для всех. Настало время восстановить монархию во всем ее изначальном блеске. «Mettre le Roy hors de page» стало своего рода лозунгом. И все деятели двора постоянно твердили, что ничто не сможет защитить строй от уничтожения толпой или фракциями знати, кроме суверена, по-настоящему свободного от министерской тирании, под пятой которой королевское достоинство пребывало еще во времена деда Его Величества.

---

³ W. Pultaney. Seasonable Hints from an Honest Man on the present important crisis of a new Reign and a new Parliament. London, 1761.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.